

Череповецкий государственный университет
Кафедра русского языка и общего языкознания

Спецвопрос к экзамену по истории русского литературного языка

Функционирование советских языковых штампов в современном газетном дискурсе

Выполнил: студент гр. 2ФР-42 Ненастьев А.Н.

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Волкова Н.А.

г. Череповец
2004 г.

Содержание

Содержание.....	2
Введение	3
Формирование языка советской прессы.....	5
Послереволюционные годы	5
Сталинское время	6
Результаты	9
Функционирование советских языковых штампов в современных газетах	11
Двойной стилистический стандарт	11
«Советская Россия»	14
Корпоративные газеты	15
Независимые либеральные издания.....	17
Выводы	20
Список использованных источников.....	21

Введение

Языковой штамп — явление, характерное для газетного текста. Это касается, конечно, не только советских идеологических формул, но и стереотипных структур, созданных уже в наше время. Широкое использование штампованных конструкций объясняется несколькими причинами. С одной стороны, создание текста для газеты — быстрый процесс, периодическая печать требует оперативности подачи материала: автор не имеет возможности глубоко рефлексировать над языковым наполнением, ему проще использовать уже готовые конструкции. С другой стороны, некоторые из таких конструкций, удачно употребленные единожды, становятся общим местом для всех СМИ. Постепенно, в процессе повторения, их значение стирается, но они продолжают использоваться по инерции до тех пор, пока большинство носителей языка не осознает, что от значения осталась лишь звуковая оболочка. Таким образом, первичная новизна и свежесть речевого оборота с течением времени превращаются в штамп.

Чем интересны штампы советского времени? Прежде всего их количеством. Советская эпоха с ее склонностью к лозунгам, броским заголовкам, аббревиатурам породила огромное множество типизированных языковых формул. Помимо этого, советский штамп представляет интерес и в его отношении к современной жизни. Логично было бы предположить, что «отринутое со всей смелостью» советское мировоззрение повлекло за собой полное уничтожение каких-либо примет старого языка. Не менее логично было бы подумать, что новый государственный строй, общественный и экономический уклад создадут новый язык, в котором не будет ничего общего со столь порицаемым советским прошлым. Тем не менее, советская идеология проникает в современный литературный язык, и особенно остро это чувствуется в письменных текстах, прежде всего — в газетах.

Взаимодействие этих двух типов языка носит очень сложный характер. С одной стороны, язык советских газет может использоваться для создания иронического или пародийного приема, с другой — его использование может носить неосознанный характер. Последнее связано еще и с тем, что многие современные журналисты большое количество времени работали еще при старом режиме и, вероятно, не смогли вовремя адаптироваться к изменившейся ситуации.

Таким образом, в качестве цели нашего исследования поставим изучение взаимоотношений советских языковых штампов и современного газетного языка. Помимо этого мы попытаемся выявить корни советского идеологического дискурса — это требуется для более полного понимания самой природы языка того периода. Объектом рассмотрения здесь, понятно, будет являться язык, а предметом — конкретные газетные тексты.

В качестве рабочего определения языкового штампа выберем дефиницию, данную Большой Советской Энциклопедией: «Штамп языковой и литературный — выразительные средства языка и литературы, которые стереотипно воспроизводятся в текстах (главным образом в беллетристике) и воспринимаются как признаки “клишированности” мысли, мнимые “стилистические красоты”».¹ В определение внесем поправку касательно того, что в нашем случае штамп не всегда будет восприниматься негативно, более того — он не всегда вообще будет восприниматься как штамп.

¹ Штамп литературный // БСЭ. <http://www.oval.ru/cgi-bin/enc.cgi/84436.html>

Формирование языка советской прессы

Послереволюционные годы

Язык советских газет начинает формироваться непосредственно после революции. Свидетельством его становления служат многочисленные воспоминания известных писателей того времени. Вот как говорит об этом В.В. Маяковский: «Товарищ Ленин в одном своем письме по поводу стиля нашей газетной работы категорически заявлял, что единственно огромный недостаток нашей работы — это отсутствие в ней телеграфного лаконического стиля, что все то, что мы можем сказать в продолжение пятидесяти минут, в статье обыкновенно размусоривается на целые столбцы.

Следовательно, необходимо все стили, работающие в нашей прессе, устремить на изобретение способа, при котором ударность наших идей не ослаблялась бы туманностью и запутанностью формы».² Таким образом, уже здесь Маяковский, вслед за Лениным, декларирует необходимость создания языка, главная роль которого будет состоять в выражении идей. Идеи эти, соответственно, должны выражаться кратко, четко и понятно для тех, кто назывался «массами».

Об этом же говорит и Д. Бедный: ««Простота и правда нашей речи» — вот завет Ильича. Поменьше вычурности, надуманности, книжности. Развивайте себя, обогащайте свой словарный запас до крайних пределов, заимствуя слова из всех областей знаний, но, обращаясь к народным массам и крестьянству, особенно не забывайте, что в народно-словесном обиходе слов немного. Умейте же говорить с народом его живым языком, прислушивайтесь сами к его живой речи...»³

Однако уже в то время проблема заштампованности языка вставала не менее серьезно, чем сейчас. Об этом говорит, например, А.Н. Толстой: «Передовые статьи, фельетоны, очерки, заметки и так далее пишутся в ряде случаев банальным, штампованным языком, приглаженным под средний уровень, скользящим — как давно знакомое и слышанное — по сознанию читателя.

Бывает так, что великие события, совершающиеся в нашей стране, потрясающие воображение всего мира, излагаются как скучная, серая лекция, где не найдено свежих, сильных, своеобразных мыслей... Почему? Если у нас в стране есть люди, совершающие героические подвиги, должны найтись люди, которые об этих подвигах могли бы рассказать с такою же яркостью... Почему газетный

² Маяковский В.В. Полн. собр. соч., т.12. М., 1959. — С. 240.

³ Бедный Д. Собр. соч. В 8-ми томах, т.8. М., 1965. — С. 352.

работник должен делать какую-то такую “благонамеренную” улыбочку “казенного” восхищения? Кричи, черт возьми, от восхищения! Радуйся! Радуйся,— разве у тебя не горячая кровь, сын Советской страны?! Прояви творчество, найди мысли и слова, достойные подвига папанинской четверки!»⁴

Очевидно, что тенденцию к стереотипизации языка газет так или иначе ощущали все крупные писатели советского времени. Не случайны призывы в духе: «Во всех наших большевистских газетах должен быть свежий, яркий стиль, доходчивый до ума и сердца сотен миллионов читателей и у нас, и за рубежами».⁵ Прав оказывался и С.Я. Маршак, почувствовавший штампы не только в газетах, но и вообще в литературе: «Портит ли газета своим так называемым «штампом» писательский язык и стиль?»

Нет, если писатель отдает газете свои лучшие, живые мысли, чувства и наблюдения, он никогда не впадает в газетный штамп, присущий, кстати сказать, не только иным газетным статьям, но и некоторым романам и поэмам».⁶

Таким образом, в качестве предпосылок к созданию языковых штампов можно назвать стремление к созданию лаконичного языка, способного быть выразителем довольно примитивных лозунгов рабочего класса. Язык этот должен был быть легко запоминаем и прост в применении независимо от социального статуса говорящего.

Сталинское время

В сталинский период печать под давлением режима приобретает те свои лингвистические черты, которые будут для нее характерны в течение всего последующего периода существования СССР. Языковеды применительно к этому периоду говорят об особом тоталитарном стиле. В первую очередь такой стиль находил свое выражение в речах непосредственно «вождя всех народов», то есть И.В. Сталина. Конечно, его выступления функционировали как устная коммуникация и не относились к газетному дискурсу, но тем не менее именно они служили базовым материалом для создания особого языкового строя тогдашней прессы.

А.А. Ворожбитова считает, что «замечательным материалом для лингвориторической интерпретации тоталитарного стиля коммуникативной

⁴ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. В 15-ти томах, т.13. М., 1949. — С. 398-400.

⁵ Там же. — С. 398.

⁶ Маршак С.Я. Высокая трибуна //

http://www.kulichki.com:8105/moshkow/POEZIQ/MARSHAK/marshak6_2.txt

деятельности в ситуации идеологического конфликта выступает опубликованная в эпоху гласности разгромная речь И.В. Сталина по поводу киноповести А.П. Довженко “Украина в огне” на заседании Политбюро ВКП(б) 31 января 1944 г.»⁷

Исследовательница устанавливает ценностную шкалу, которая характерна для речи Сталина, и мы не можем не обратить внимание на то, что многие обороты есть ни что иное как будущие газетные штампы: «Этимонную аксиоматику речи Сталина образуют постулаты и догмы марксистско-ленинской доктрины, в системе координат которых разворачивается ментальное пространство советского дискурса. <...> Высшими инстанциями, относительно которых строится вся иерархия ценностных суждений, при этом выступают специфически советские культурные концепты: *Ленин; ленинизм; большевистская партия; советская власть; советское правительство; <...>* Соответственно в основе инвективно-элокутивной координации идиодискурса Сталина лежат такие мыслеречевые конструкции, как: *в духе ленинизма; заветы Ленина; бессмертное учение Ленина; положения ленинской теории; наш учитель великий Ленин; Ленин как вождь и учитель нашей партии, как мудрый человек нашего народа и знаток законов развития общества и взаимоотношений государств; Ленин предупреждал, готовил; теория нашей партии; политика партии; разгром классовых врагов советского народа; ликвидация кулачества как класса; сила и незыблемость нашего советского строя; весь советский народ и т.п.*»⁸

Соответственно, здесь мы наблюдаем самые известные языковые формулы, которые характерны вообще для всех СМИ Советского Союза. Существование их именно в таком виде, очевидно, обусловлено необходимостью постоянно ссылаться на авторитет того или иного представителя марксистско-ленинской идеологии или соотносить слова с ее ценностями.

Далее А.А. Ворожбитова отмечает особенности сталинской речи в области синтаксиса: «В выступлении Сталина в изобилии встречаются союзный и бессоюзный тип “политического сочинения” — одного из главных и “убойных” орудий <...>: *Именно советская власть и большевистская партия свято хранят; в результате правильной политики партии и правительства; политике нашей партии и интересам украинского и всего советского народа;*

⁷ Ворожбитова А.А. Тоталитарный дискурс советского периода: опыт лингвориторической интерпретации // Текст. Узоры ковра. Сб. статей научно-методического семинара «TEXTUS». — Вып. 4. — Ч.2. Общие проблемы исследования текста. — СПб-Ставрополь, 1999. — С. 126.

⁸ Там же. — С. 127.

партию и страну; выступать против политики партии, ленинизма, интересов всего советского народа...»⁹

А.А. Ворожбитова говорит, что в речи Сталина можно выделить несколько наиболее частотных приемов, маркирующих тоталитарную идеологию в ее языковом проявлении. Такие же приемы мы можем выделить и в отношении советских газет. К ним в частности относятся:

- «Повтор глаголов, регистрирующих покушения на лингвориторические ценности официального дискурс-универсума в рамках (со стороны) альтернативного ментального пространства, в основном с коннотативной семантикой неодобрения:

*...Довженко **ревизует** политику и **критикует** работу партии по разгрому классовых врагов советского народа.*

*...Довженко выступает здесь против классовой борьбы, он **пытается опорочить** политику и всю практическую деятельность партии по ликвидации кулачества как класса. Довженко **позволяет себе глумиться над** такими священными для каждого коммуниста и подлинно советского человека понятиями, как классовая борьба против эксплуататоров и чистота линии партии.*

*Довженко **осмеливается**, далее, **критиковать** политику и практические мероприятия большевистской партии и советского правительства направленные на подготовку советского народа, Красной Армии и нашего государства к нынешней войне».¹⁰*

- Негативная характеристика альтернативной <...> картины мира (текста, ее представляющего) с позиций исповедуемой иерархии ценностей. Оппозиционный член дискурс-парадигмы по отношению к советскому дискурсу характеризуется как абсолютно неприемлемое антитезисное ментальное пространство. <...> Оценка официально одобряемых явлений в дискурс-доминанте безоговорочно позитивна:

*Наша партия, советское правительство **были настолько дальновидными**, что сумели подготовить; наша страна, наш народ **оказались наиболее подготовленными к войне**; Ленин как **мудрый человек** нашего народа и **знарок** законов развития общества и взаимоотношений государств; в результате **правильной политики партии и***

⁹ Там же. — С. 129.

¹⁰ Там же.

правительства; наша партия правильно учла и своей умелой внешней политикой обеспечила; ленинская политика нашей партии и здесь восторжествовала; для всех очевидную огромную воспитательную работу, которую проделала наша партия в народе по развитию его политического самосознания и повышению его культуры; великую созидательную, прогрессивную работу нашей партии и нашего государства; огромного роста сплоченности, политической активности, сознания и культуры советского народа, который стал возможным на почве наших общих успехов.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что язык советской печати формировался под серьезным влиянием политических вождей тоталитарного режима. Именно ими и были впервые сформулированы основные штампы, которые позднее стали желательными или обязательными для тиражирования. Важность их повторения в СМИ заключалась в том, что большинство из этих формул так или иначе передавали основные ценности советского общества и были до предела концептуализированы. То есть их активная жизнь была одним из факторов поддержания идеологических основ в сознании широких масс.

Результаты

К.Э. Штайн пишет: «На первых порах лозунги носили характер речевого действия (имели неконвенциональный характер), которое сопровождалось соответствующими революционными процедурами. Вождями пролетариата были найдены “нужные слова”, переход от восприятия лозунга к конкретному действию не осложнялся никакими побочными ассоциациями: прочел — действуй. К концу 20-х годов исследователи отмечают, что лозунги вождей приобретают характер “истрепанных формул”, пропаганда становится “фразеологическим пустозвонством”, язык лозунгов приобретает конвенциональный характер и в силу этого догматизирует, уродует мышление. По мере того, как содержательная установка лозунга выветривалась, упрочивалась его грамматическая напряженность, императивность. Синтаксические штампы с окаменевшим значением превратились в своего рода сигналы, семантические жесты с соответствующей системой разрешений и запретов. “С точки зрения стилистической действенности, — писал еще в 1929 году Г.О. Винокур, — все эти поговорки — сплошь “заумный язык” <...> такое мышление в сущности может быть только “бессмысленным”. Принимая закрепленный речевой оборот,

лингвистическую формулу за живой лозунг, мы простое название мысли принимаем за ее содержание. Употребляя то или иное традиционное выражение, пользуясь окаменелой фразеологией и продолжая усматривать в них стилистическое назначение воздействия — мы перестаем понимать то, что говорим”». ¹¹

Применимы ли эти положения к газетам? Да, применимы: «Интересно отметить, что абстрагирование, безглагольность (номинализация), присущие идеологическому дискурсу, имели место во всех видах текстов, где господствовала идеологическая догма марксизма-ленинизма. Поэтому идеологический шаблон как некая константа и инвариант существовал в любом виде текста при наличии переменных — терминов разных видов наук, областей знания, даже быта, присутствовал как некий метатекст, эксплицированный или имплицированный, который не только задавал правила речевого поведения, но и детерминировал мышление. Метакатегории идеологического модуса нейтрализовали диктумное содержание высказывания, превращая его в набор “заумных” заклинаний. Дойти до смысла в таких текстах так же невозможно, как и в некоторых заумных текстах авангарда. Следует заметить, что реляционные связи и отношения на самом деле оказываются вторичными, как и в авангардном “заумном” тексте, на первый план выступают отдельные слова с их “изучающей силой смыслов”. Не случайно В.И. Ленин так любил использовать повторы, орнаментируя их каскадом оборотов, нагруженных абстрагированной лексикой, они должны носить характер аргументов, но не являются таковыми в силу их неререференциальности»». ¹²

В итоге можем сказать, что языковой штамп — раннее явление. Он появился вместе с советским режимом и вскоре занял едва ли не доминирующее место в языке того периода. Относится к этому можно по-разному, но очевидно, что огромная роль повторяющихся структур объективно отражала картину мира советского человека, подчиненную единственно верной идеологии.

Далее, вероятно, следует перейти к анализу функционирования советских штампов в современных газетах.

¹¹ Штайн К.Э. Заумь идеологического дискурса в свете лингвистической относительности // Текст. Узоры ковра. Сб. статей научно-методического семинара «TEXTUS». — Вып. 4. — Ч.2. Общие проблемы исследования текста. — СПб-Ставрополь, 1999. — С. 115.

¹² Там же. — С. 119.

Функционирование советских языковых штампов в современных газетах

Двойной стилистический стандарт

Активное обновление и переосмысление газетных стереотипов началось в 1990-х годах и было вызвано изменившейся общественно-политической ситуацией в стране. При этом показательно, что язык новой эпохи возник как бы в противовес старому, вступая с ним в явные и неявные конфликты.

В. Г. Костомаров в свое время в качестве движущей силы газетного языка назвал постоянное чередование стандарта и экспрессии. Вслед за ним идет и Е.В. Какорина, которая говорит, что «...в языке газеты постоянно существуют две противоположно направленные тенденции: к стереотипизации языковых средств и к обновлению языковых средств».¹³

Исследовательница в качестве одного из важнейших факторов называет также интенсивность стереотипизация или обновления: «На протяжении десятилетий процесс обновления стереотипного газетного фонда носил характер незначительного преобразования отдельных звеньев газетного узуса и протекал крайне медленно. В настоящее время и объем новаций, и скорость их проникновения в язык газеты существенно возрастает, а объем стереотипных средств редуцируется. Актуальна установка участников массовой коммуникации на обновление языка: возникла необходимости заполнять референциальные лакуны (называть новые социальные, экономические, культурные реалии; по-новому оценивать старые). Однако параллельно возрастает и скорость стереотипизации (устаревания) новых элементов. Нередки ситуации, когда новое слово, едва попав в газетный узус, становится штампом. Такова, например, была история слова *судьбоносный* (в сочетаниях со словами *время*, *момент*, *решения*). Достаточно одного признака, чтобы идентифицировать слово/клише/образ с принципами старой стилистической традиции. В данном случае книжность, “возвышенный” характер номинации создавали ощущение ложного пафоса на новом, сниженном фоне газетного текста».¹⁴

Е.В. Какорина разделяет все печатные издания на несколько типов в зависимости от характера реализации в них стереотипных языковых средств:

¹³ Какорина Е.В. Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М., 1996. — С. 170.

¹⁴ Там же.

«...демократическая пресса, ориентирующаяся на новизну языка, также регулярно эксплуатирует ресурсы старых стилистических средств. Наиболее типично использование стереотипов в экспрессивной функции. Способом создания экспрессии служит варьирование стереотипных номинаций, приводящее к “деавтоматизации” их речевого восприятия.

Даже самое незначительное преобразование стереотипа нарушает (разрушает) эту жесткую семантическую структуру, в принципе не подлежащую варьированию. При этом создается новое языковое средство: *страна победившего нас социализма, подавляющее всех большинство*. Острота языковой игры заключается в том, чтобы минимальные изменения плана выражения приводили к коренному преобразованию содержания: *Мы рождены, чтоб сказку сделать былью — Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью*.

Подобного рода “игры в стереотипы” рассчитаны на эффект неоправданного ожидания и максимально, используют коннотации, накопленные в русле традиции.

Иная роль газетных стереотипов в изданиях “недемократической” ориентации. Старое, стереотипное вновь становится экспрессивным на новом стилистическом — прагматическом — коммуникативно-речевом фоне, в новом стилистическом узусе. Ср.: *Беспощадно разгромим и уничтожим врага!* (День. 1992. № 45. С. 1). Штамп-цитата читается как яркое стилистическое средство в современной ситуации оппозиции издания по отношению к официальной власти.¹⁵

Тот тип использования штампов, который характерен для изданий демократической направленности, зачастую есть реализация языковой иронии. Одним из самых распространенных приемов «иронизации» текста становится столкновение двух пластов лексики: сниженно-бытовой и идеологической. О.А. Лаптева приводит пример бывшего журналиста «Известий» С. Мостовщикова, который в очерке о жене Ли Харви Освальда использует такой прием: *«Он широко использует газетные и пропагандистские штампы застойных времен: уехала на историческую родину, сбежав и не дождавшись претворения в жизнь планов; наш славный Комитет государственной безопасности; встала на ударную вахту к плите; неформальный интерес и др., где в формулу приема свободно включаются слова, контрастирующие с ней и принадлежащие к другим — бытовым, сниженным — пластам лексики.»*¹⁶

¹⁵ Там же. — С. 170-171.

¹⁶ Лаптева О.А. Стилистические приемы создания языковой иронии в современном газетном тексте // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М., 1996. — С. 153.

Е.В. Какорина расценивает такого рода явления как проявления двойного стилистического стандарта: «По нашему мнению <...> существование двойного стилистического стандарта (множества стандартов) — явление для современного узуса; нормативное, вряд ли устранимое. Оно естественно отражает существование множества концептуальных стандартов, однако в пределах одного газетного текста обычно выступает как оппозиция стилистически “своего” и стилистически “чужого” — двойной стандарт.

Как в языке, так и в дискурсе могут иметь место омонимичные, контрастные значения одного и того же слова. В дискурсе же всегда вступают в действие еще и дополнительные, особые законы словоупотребления (важно, чтобы контрастность значений была мотивирована, функционально оправдана). И в данном случае речь идет об особенностях, о вариантах словоупотреблений.

Различия в коннотациях, размытость семантического объема, диффузность значения слова, замена денотативного/сигнификативного компонента общим знаком оценки (плюс — минус) — вполне обычные <...> явления в газетном дискурсе.

Эти семантические особенности словоупотреблений регулярно “материализуются”, например, в области синтагматики и образных дериватах слова:

социализм — *феодалный* социализм;

рынок — *дикий* рынок;

партаппаратчик — *хрестоматийный/ортодоксальный* партаппаратчик;

перестройка — *перестрелка* — *долгострой* — *социальный дизайн*».¹⁷

Особого внимания в этом отношении заслуживает особый тип переосмысления старого газетного языка, при котором происходит столкновение номинаций реалий советского времени и номинаций реалий нового времени. Например,

пионеры маркетинга;

экологическая маевка;

вахта милосердия.

Е.В. Какорина говорит, что опорные компоненты этих словосочетаний были сформированы еще в советское время и первоначально были призваны участвовать в конструировании целой серии клише наподобие: «трудовая вахта/космическая вахта/вахта чего-либо/...» В качестве наиболее распространенных клише называются также следующие слова: *конструктор*,

¹⁷ Какорина Е.В. Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М., 1996. — С. 172.

дирижер, лоцман, труженик, командир, которые могут почти свободно присоединять такие лексемы: *стальных магистралей, советской науки, книжных океанов, здоровья, климата...*

Таким образом, из всего сказанного следует сделать вывод об активной работе современной прессы со старым языковым фондом. При этом советские штампы могут быть использованы в совершенно разных целях: от создания иронии до прямой ретрансляции советских лозунгов применительно к нашей действительности. Попытаемся взглянуть на разные способы использования советских штампов применительно к разным типам изданий.

«Советская Россия»

Естественно, что наиболее благодатную почву для функционирования советской лексики предоставляет главный печатный ретранслятор коммунистических идей — «СР». В качестве образца мы взяли номер от 27 мая 2004 года. Уже на первой полосе в репортаже «Защитим униженных и ограбленных победителей» о митинге ветеранов и инвалидов в Ярославле находим очевидное использование коммунистических стереотипных языковых фигур в их прямых значениях (выделены курсивом): «*Политику государства ораторы под одобрительные возгласы присутствующих окрестили “антирусской”* (должно быть “антинародной”, но это слово встречается далее) и “людоедской”. <...> Станислав Смирнов призвал присутствующих *активнее бороться с антинародным режимом* <...> предлагали довести информацию о протесте до других регионов России, чтобы *сопротивление антинародным реформам усиливалось...*»¹⁸

Понятно, что здесь штампы употреблены в их исходных значениях: так, как они функционировали в эпоху СССР. Нельзя не отметить, что использование таких фигур, мягко говоря, не способствует актуализации внимания и улучшению качества газетного текста. Наоборот, материал производит впечатление напичканного бессмысленными лозунгами, за которыми не скрывается никакого содержания.

Еще более показательна в этом отношении статья «Перед улыбкой крокодила», рассказывающая о способах выживания компартии в наше непростое время. Штампы здесь встречаются буквально через слово: «В *укреплении партии* главное — не надеяться на *стихийный приток*. В свое время Г.А. Зюганов

¹⁸ Гринева Г.М. Защитим униженных и ограбленных победителей // Советская Россия. — 27 мая. — 2004. — С. 1.

предложил задачу: один плюс один. Арифметика непростая. Каждый коммунист должен привлечь единомышленника.

Как личное партийное поручение воспринял это член обкома КПРФ Александр Иванович Папыкин...»¹⁹

Логично предположить, что использование такого языка с его высокой стереотипичностью не есть недостаток этой газеты в целом. Скорее, именно такой язык понятен целевой аудитории издания — пенсионерам, которые привыкли к лозунгам, ленинским цитатам и прочим приметам своего прошлого. Однако в рамках нашей работы важным представляется то, что советские языковые штампы продолжают выполнять свою первичную функцию и в наше время. Вероятно, это им удастся не так уж плохо — тираж «СР» составляет 300 тысяч экземпляров, что совсем немало.

Корпоративные газеты

Корпоративные издания также достаточно активно работают с советскими языковыми стереотипами. Это объясняется тем, что данные газеты выполняют по сути идеологическую функцию, их цель — внутрикорпоративный пиар, который не может существовать без броских лозунгов, запоминающихся фраз и типизированных конструкций.

Это заметно даже на примере заголовков. Мы проанализировали 5 номеров череповецкой газеты «Химик» (№№31, 32, 35, 36, 37), издаваемой при ОАО «Аммофос», на предмет лингвистических особенностей заголовков. Вот что получилось.

На первой странице каждой газеты в рубрике «Твои люди, завод!» размещается информация об отличившихся работниках завода под заголовками: «Его называют мастером», «И специалист, и общественник», «...И слава тебя найдет», «Когда труд в радость», «Новые успехи — впереди!». Уже здесь присутствуют явные аллюзии на «производственные» штампы СССР. С лингвистической точки зрения словосочетание «его называют мастером» может рассматриваться как отсылка к мнению некоторого числа людей (мн.ч. — «называют»), что создает впечатление общепризнанности авторитета человека, о котором пойдет речь в статье, заранее настраивает читателя на положительное отношение к объекту разговора. Такую же функцию создания положительного эмоционального поля выполняют и остальные заголовки: «И специалист, и общественник» —

¹⁹ Подольских Ф. Перед улыбкой крокодила // Советская Россия. — 27 мая. — 2004. — С. 3.

нанизывания однородных элементов, своеобразная цепочка качеств, которая может быть легко продолжена в тексте; «...И слава тебя найдет» — акцент на перспективность работника, возможность его роста. Несколько штампованная фраза, но легко воспринимаемая. Троекочие перед оборотом предполагает, что «слава найдет» человека в том случае, если он будет далее продолжать работать так, как сейчас, в чем автор, очевидно, не сомневается, т.е. заголовок графически предлагает читателю вернуться к себе, прочитав материал до конца, это своеобразный авторский вывод с высокой долей субъективной оценки; «Когда труд в радость» — разговорный штамп «труд в радость», возможно, употребляется специально, поскольку в данном случае речь идет о рядовом работнике производства, просто хорошо выполняющем какую-то не очень значительную работу. Сама фраза представляет собой незаконченную часть, обрывок сложноподчиненного предложения, продолжение которого ожидается опять же в тексте самой статьи; «Новые успехи — впереди!» — пропуск глагола-связки создает ощущение быстроты действия, т.е. близости успехов, о которых идет речь, что подчеркивается графически знаком восклицания.

На этой же странице встречаются такие заголовки: «Корпоративная культура — не самоцель» (специальная лексика: прил. «корпоративный», что отсылает читателя к сфере управления производством). «К покупателю — с любовью», «Преемственность сохранится», «Без авралов и штурмовщины» (лексика негативной оценки советских методов управления предприятием), «На завод как на работу». Два из перечисленных заголовков имеют схожую структуру: «Корпоративная культура — не самоцель» и «К покупателю — с любовью», в них пропускаются связующие глаголы, замененные знаком тире. Характерно, что именно эти заголовки выполняют в большей степени прагматическую функцию — формируют отношение работников завода к определенным явлениям и проблемам, вероятно, поэтому они и похожи на рекламные слоганы (легко запоминаемы и воспринимаемы).

Страницы 2 и 3: «Такая вот собачья работа...», «Правила пользования международной банковской картой VISA», «Дело с вагонами», «И стандартный, и необычный», «Плюс опыт, минус формализм», «Адаптация систем обучения к изменениям в экономике», «Без движения жизнь остановится», «К южному берегу Карского моря», «Забава для египетских фараонов и дружной компании», «Профсоюзы за социальные гарантии», «К чему приводит многоженство», «Как живешь, ветеран?» (обращение в форме существительного ед.ч. и дружественная

форма 2 лица глагола призваны настроить на доброжелательный диалог с автором статьи, создавая эффект конкретизированности адресата речи), «Качество — на порядок выше», «Самое главное — безопасность людей», «Профессия — руководитель», «Аттестация — процесс постоянный», «Современному предприятию — современные технологии» (5 заголовков схожей конструкции, описанной выше. Возможно, в данном случае подобная структура объясняется еще и простотой ее создания: доминирующая модель «А есть В», где вместо переменных можно поставить предмет разговора. В то же время это носит оттенок и советских штампованных выражений именно из производственной сферы вроде «Заводы — рабочим. Землю — крестьянам»).

Следовательно, в корпоративных газетах советские языковые штампы функционирует как бы «наполовину» в своих исходных значениях. Конкретное лексическое наполнение заголовков остается отчасти по-прежнему советским, но сами тексты материалов как правило характеризуются более современными языковыми оборотами. Можно сказать, что основная роль штампов в данном случае — формирование положительного облика предприятия в глазах читателей газеты. Штамп легко запоминаем и воспроизводим, «легкие» его модификации позволяют актуализировать смысл, а вынесение в сильную позицию (заголовок) делает его незаменимым элементом пиар-кампании. По своим особенностям штамп, таким образом, приближается к рекламному слогану.

Независимые либеральные издания

Здесь советские штампы могут выполнять самые разные функции. Не будем принимать во внимание те случаи, когда употребление штампов носит неосознанный характер и является показателем низкого уровня языковой компетенции автора материала. Обратимся к ситуациям, когда советская лексика используется для создания иронии. Наиболее остроумным примером этого нам показалась редакционная статья журнала «Эксперт» под названием «Кудрин — это Ленин сегодня». Позволим себе процитировать наиболее примечательные отрезки: «После долгих лет поисков национальной идеи Россия ее наконец-то обрела — такой идеей становится «социальная ответственность бизнеса». До недавнего времени в переводе на повседневный бытовой язык это означало всего-навсего «делиться надо». Однако на прошлой неделе министр финансов РФ Алексей Кудрин наполнил понятие социальной ответственности новым конкретным содержанием. Отныне социальная ответственность означает отказ

бизнеса от использования налоговых льгот и обязательное участие предпринимателей в благотворительной деятельности.

Важнейшей научно-теоретической заслугой товарища А.Л. Кудрина является то, что он сумел кардинально расширить сферу применения принципа социальной ответственности бизнеса, включив в нее не только экономическую, но и политическую деятельность российских предпринимателей. Заявив в своем выступлении на пресс-конференции в Лондоне о том, что недопустима «политическая всеядность», при которой «в совете директоров одной компании часть членов поддерживает правых, а часть — коммунистов», товарищ Кудрин смело отринул одряхлевшие догмы буржуазной российской Конституции, гарантирующей каждому россиянину свободу политических взглядов независимо от места работы и занимаемой должности. Этим смелым шагом министр финансов показал пример широты взглядов, недоступной пока еще некоторым сотрудникам Министерства по налогам и сборам и Генеральной прокуратуры. Упомянутые деятели в последние месяцы продемонстрировали возмутительную склонность к половинчатым решениям, отрицая лишь отдельные принципы юриспруденции, такие как недопустимость привлечения к ответственности за использование налоговых льгот, которые были установлены законами. Алексей Кудрин показал нам пример действительно широкого подхода к пониманию социальной ответственности бизнеса, при котором теряют смысл вообще все предрассудки и пережитки, называемые законами, поскольку социальная ответственность становится главным и определяющим критерием оценки деятельности бизнеса.

Остается открытым только один вопрос: что дало основания товарищу Кудрину считать широкие массы российских граждан столь социально безответственными, чтобы поддержать его демагогические лозунги, апеллирующие к жадности и зависти людей?»²⁰

Очевидно, что в данном случае максимальная наполненность одного абзаца советскими штампованными фразами при окружающем их «современном» контексте создает впечатление очень сильной иронии и сразу вызывает негативное отношение читателя к объекту этой иронии. Характерно и то, что внутри стереотипов включаются совершенно чуждые им единицы. Так, заменяются названия партийных учреждений — на Министерство по налогам и сборам и Генеральную прокуратуру.

²⁰ Кудрин — это Ленин сегодня // Эксперт. — 26 апреля — 2 мая. — 2004. — С. 19.

Все это дает право говорить о том, что в такого рода изданиях умелое использование советских языковых штампов есть довольно сильный прием проведения авторской позиции и манипуляции сознанием читателя.

Выводы

Основной лингвистической особенностью языковых штампов советской эпохи на данный момент является стертость их значения. Конечно, штамп может и будет употребляться в этой своей прямой десемантизированной форме. Такого рода случаи востребованы в речи коммунистически настроенных политиков, некоторыми штампами того времени не брезгают и проправительственные СМИ, наконец, штампы употребляются неосознанно. Преимущество таких формул в том, что они довольно легко «вдалбливаются» в сознание людей, создают ощущение высокого уровня профессионализма говорящего в той или иной области, кроме того — не требует больших раздумий над языком.

Однако нам представляется, что наиболее перспективный вариант использования советских языковых штампов — переосмысление и обновление их содержания. Это всевозможные сдвиги значений, обрастание новой семантикой, ироническое употребление в том или ином контексте и т.п.

Впрочем, в любом случае советские штампы жили, живы и будут жить.

Список использованных источников

1. Штамп литературный // БСЭ. <http://www.oval.ru/cgi-bin/enc.cgi/84436.html>
2. Маяковский В.В. Полн. собр. соч., т.12. М., 1959.
3. Бедный Д. Собр. соч. В 8-ми томах, т.8. М., 1965.
4. Толстой А. Н. Полн. собр. соч. В 15-ти томах, т.13. М., 1949.
5. Маршак С.Я. Высокая трибуна // http://www.kulichki.com:8105/moshkow/POEZIQ/MARSHAK/marshak6_2.txt
6. Ворожбитова А.А. Тоталитарный дискурс советского периода: опыт лингвориторической интерпретации // Текст. Узоры ковра. Сб. статей научно-методического семинара «TEXTUS». — Вып. 4. — Ч.2. Общие проблемы исследования текста. — СПб-Ставрополь, 1999.
7. Штайн К.Э. Заумь идеологического дискурса в свете лингвистической относительности // Текст. Узоры ковра. Сб. статей научно-методического семинара «TEXTUS». — Вып. 4. — Ч.2. Общие проблемы исследования текста. — СПб-Ставрополь, 1999.
8. Какорина Е.В. Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М., 1996.
9. Лаптева О.А. Стилистические приемы создания языковой иронии в современном газетном тексте // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. — М., 1996.
10. Гринева Г.М. Защитим униженных и ограбленных победителей // Советская Россия. — 27 мая. — 2004. — С. 1.
11. Подольских Ф. Перед улыбкой крокодила // Советская Россия. — 27 мая. — 2004. — С. 3.
12. Кудрин — это Ленин сегодня // Эксперт. — 26 апреля — 2 мая. — 2004. — С. 19.